

У «ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ»

О праве на жизнь «плохого театра»

Независимый газ. — 1994. — 25 февр. — с. 7.

Наталья Якубова

Другие берега

«**П**ОСЛЕДНЯЯ черта» — одна из самых молодых театральных групп Будапешта. В издаваемой ею едновименной газете помещен пародийный «Лексикон альтернативного театра от А до Ч», где участники группы дают себе такое определение:

«Черта последняя: Молодая, пробивающаяся в свет команда, сборище 30—40-летних домохозяек, гостиничных портье, театральнх директоров, актеров-самозванцев. Знаний, профессиональных навыков у них мало, поэтому им еще предстоит научиться... Им принадлежит будущее».

Свою газету «Последняя черта» стала издавать после того, как в прошлом сезоне на фестивале альтернативного театра в Казинцбардике их назвали «театром пионерского костра». На страницах собственного издания обвиняемые признались: да, они используют дешевые «феньки», если с их помощью могут выразить самих себя. Как сказал один из актеров труппы, «наши спектакли необязательно шедевры, но тогда они, по крайней мере, плохи». На вопрос: «На что намекает название театра?» — тот же актер, Золтан Тамаш, ответил так: «На место, которое мы занимаем, куда мы попали совершенно сознательно».

Первой постановкой труппы стал хепшенинг «Дядя в саду три чайки» (режиссер З.Тамаш). На основании этого спектакля Иштван Ц. Надь (официальный критик «Последней черты») так определил сущность любительского театра: «Хороший психолог изучает проблемы больного на уровне больного, но разрешает их на более высоком уровне, чтобы потом возратить результат на уровень больного. Любитель поступает иначе. Он обследует явление на собственном уровне, разрешает его и преподносит нам».

У «Последней черты» нет художественного руководителя. И хотя идея спектакля всегда принадлежит какому-то одному конкретному человеку, постановка рождается из коллективных им-

провизаций. При этом путь к спектаклю нередко встраивается в сам спектакль.

Вторая постановка «Последней черты» носила странное название «Hamlets» (режиссер Л.Фелхефи-Кишш). Дело в том, что Гамлетов здесь было целых три. И не только потому, что шекспировский Гамлет — личность раздвоенная (здесь, правда, скорее, расстроенная), но и потому, что — как и положено в «плохом театре» — за эту роль борются сразу несколько актеров. И как только одному удается добраться

семейная истерия «Последней черты» под названием «Пирошка». Автор и постановщик пьесы Янош Регеш сопровождает ее «Введением в эстетику истерии», которое стоит процитировать:

«Основа идейно-художественного содержания истерии — нервный припадок. Но чтобы истерия стала спектаклем, надо, чтобы артисты разрушили все художественные рамки, чтобы они были чужовицами и безкусными... Одна из причин воздействия истерии в том, что она нагоняет на зрителя невыносимую скуку и

Золтан Тамаш — Пирошка, Чаба Вираг — Чабика.

до какого-нибудь проникновенного диалога, как второй или третий вмешивается: «Нет, я рожден соединить...» А еще лучше — пробежит перед начавшим «Быть или не быть» соперником, бросив на ходу: «Ты что, сейчас же антракт!».

С текстом Шекспира, естественно, не церемонятся. И если антракт тут, как и в порядочном театре, приходится как раз на монолог «Быть или не быть», то развязка наступает почти сразу после начала второго действия: тень отца Гамлета просто приглашает всех персонажей пьесы в свое убежище — расположенную в глубине сцены палатку-мавзолейчик. На всякий случай еще раз выглядит — не осталось ли кого — и навсегда задернет занавеску.

Что же, по крайней мере честно: то, чего не умеем, что нам не интересно, — то и не играем.

Премьера последнего сезона —

— стыд, поскольку он непосредственно присутствует при рождении художественного произведения... Самые важные условия истерии: непреходящая, бесцельность и большая мощь... Преимущество истерии перед живописью, перед театром заключается в том, что она просто лучше».

Место действия пьесы — большая однокомнатная квартира. Персонажи — члены одной семьи, каждый со своими бедами, комплексами, навязчивыми идеями: дедушка объясняется с окружающими при помощи нелепых, графоманских стихов, его дочь Анико вообще не намерена вступать ни с кем в какой бы то ни было контакт — целыми днями просиживает она на диване, курая одну за другой сигареты. Всем происходящим в семье руководит бабушка — Пирошка — настоящий домашний тиран, уверенный в своем призвании всецело определять жизнь окру-

жающих. Отчаянные попытки других персонажей оградить свой мир от ее посягательств и рожают истерии.

Стоически снося ежеминутно унижающие заботы матери («О, славная мать-мученица!», в моменты затишья Анико будет предаваться беспричинным порывам мировой скорби. Тихий и забытый дедушка вдруг откажется сообщить, на что он потратил накопленные на сберкнижке деньги. Он бросится к окну, предпочитая кончить жизнь самоубийством, чем признаться, что, вопреки запрету домохозяйки, приобрел машину. Внук Бела разденется догола и в таком виде убежит из дому, когда любимая бабушка не в шутку попрекнет его тем, что, мол, «кормила-одевала».

Наблюдаемые со стороны истерии кажутся смешными: персонажи выказывают слишком много балаганного, дешевого актерства. Подавляемая индивидуальность получает здесь выход в гротесковом всплеске безудержного эгоизма: для находящегося в приступе истерии человека уже не существует мира, существует только он сам со своим горем.

В конце концов трагедия — не в истериях, трагедии существуют помимо них. Вовремя оттащенный от окна, дедушка успокоится и удалится через дверь — чтобы никогда не вернуться. Впоследствии мы узнаем, что он бросился под поезд. Тихо и незаметно уйдет из жизни Анико — она просто выпьет достаточное для этого количество снотворного. И утром, когда начинается очередная передача бесконечного радиосериала «Семья Сабо», Пирошка («О, ты, предусмотрительная мать!») обнаружит, что ее дочь мертва...

Янош Регеш поставил спектакль про людей, жизнь которых превращена в дешевый театр. Здесь нет места комедии, ибо чувство юмора для этих людей — непозволительная роскошь. Здесь нет места трагедии, ибо она — тоже роскошь. Скандал, истерика — вот единственно доступный здесь жанр.

Но, проживаемая в этом дешевом жанре, жизнь достойна того, чтобы быть осмысленной в факте искусства: сначала — через смех, потом — через сострадание.